

Каждый понедельник редакционная планерка начинается одинаково. С моего опоздания. В нашей желтой газете меня держат только из милости. Как мальчика для битья. Терпят, потому что терпеть не могут. Не хотят искать другого козла отпущения.

Это как разминка перед долгим забегом в длину и ширину газетных полос – избивание бородатого младенца. Показательная порка пером. Коварство без любви.

Редактор: Ты сделал то, что обещал?

Я: Нет...

Редактор (грозно): Почему?

Я: Да... все руки как-то не доходят.

Редактор (язвительно): А ты не пробовал ногами дойти?!

Кроме двух сторон одной медали, есть еще четыре стороны света, пятый угол, шестое чувство, седьмое чудо света – то есть мой главный редактор. Человек неопределенного возраста и внешности. Он всегда брался за дело раньше, чем дело бралось за него. Он знал и любил свою профессию – продавца воздуха. Спертого воздуха. Спертого у конкурентов воздуха. «Мой принцип в журналистике, – говорил он, – берешь чужое, несешь как свое!..»

И вот по заданию редакции я должен был поехать в Горный Алтай. «Мне нужен для этого дела придум-

рок, романтик и циник одновременно, то есть ты, – сказал он с брезгливой миной на лице и добавил: – Это твой последний шанс не потерять работу».

Задание было такое: встретиться с ветераном Великой Отечественной, генералом в отставке Нефедовым, у которого, как стало известно нашему редактору, хранится... череп Гитлера!

– Не может быть. – Я настроен скептически. – По официальным данным, череп Гитлера, ну или что там от него осталось, хранится в Госархиве, и...
– Ага! На-ка, выкуси! – торжествует редактор, потирая руки. – Врала все эти годы!

По словам моего шефа, вроде как в сорок пятом, в Берлине, лейтенант Нефедов участвовал в эксгумации обгоревших костей «бесноватого фюрера». Своим друзьям генерал неоднократно рассказывал, что прихватил тогда череп и все это время он лежал у него дома в Москве, чуть ли не под кроватью.

Несколько лет назад, после смерти жены, отставной генерал бесследно исчез из столицы. Никто – ни дети, ни родные и близкие, ни друзья по Совету ветеранов – не знал, куда он делся. А тут вдруг агентурные данные донесли: вот уже два с лишним года генерал Нефедов живет у нас в Горном Алтае, на Телецком озере. Оказалось, он наш земляк, вернулся в старый родительский дом и ведет теперь жизнь отшельника. «Возьми фотик, сделаешь с этим перцем эксклюзивное интервью для наших глян-

цевых изданий и фоторепортаж, – наставлял меня главный редактор, – но главное – постарайся любой ценой раздобыть этот хренов череп, это задание директора холдинга. Если надо – купи, деньги не вопрос...»

– А зачем он нужен-то? – не унимаюсь я.

– Не твоего ума дело, – злится редактор, – и не моего, понял?. Может, для каких ритуалов... – И хихикает как идиот.

Я пожимаю плечами, ухожу к себе в ньюсрумный загончик, готовиться к командировке.

Информацию о Нефедове нашему редактору слила журналистка местной районки. Ее звали Айкамуш, и она должна стать моей проводницей. «И помни, что настоящий журналист любит три вещи – сочных женщин, сочное мясо и сочное слово! И никаких мне больше, блин, зарисовок с выставки! Все, свободен...» – сказал редактор, выпроваживая меня из кабинета.

Нефедов жил в поселке Верхний Чулок в устье реки Чулышман. Айкамуш – очень красивая девушка-метиска, в ней смешались русская, алтайская и казахская кровь. Нам с ней крупно повезло: в пять утра большой катер шел в другой конец Телецкого озера забирать группу альпинистов, и капитан согласился забросить нас туда. Возвращался он этим же днем, и нужно было на него успеть.

За суп из тушенки и жидкий чай с нас на катере содрали столько, сколько стоит обед в дорогом ресторане Москвы. Правда, за неожиданно разгравшийся шторм с нас никто денег не взял (думаю, просто не догадались).

«Телецкое расщедрилось и подарило нам каждому по розе ветров», – невесело пошутил я. Шквальный ветер и проливной дождь загнали немногих пассажиров в каюты. Нас бросало то вверх, то вниз, вода сочилась через неплотно подогнанные иллюминаторы. К Верхнему Чулку мы подплыли в состоянии полной прострации. А тут еще постоянные звонки по мобильнику главного редактора. Он и на расстоянии продолжал держать меня на коротком поводке, давая свои ценные указания и не забывая напоминать, что я ничтожная, беспомощная личность.

Погода, как это бывает в горах, резко изменилась. Ветер угнал тучи, над изумрудными озерными водами – голубая эмаль неба с небольшими, будто облупившаяся краска, облачками. Солнце устроило нам адскую духовку. Жарко, душно и высокая влажность, словно в тропиках. Тут же на берегу я быстро переоделся в футболку и шорты.

– Зато здесь никогда не бывает комаров, – как бы извиняясь за переменчивую погоду, сказал капитан катера.

Айкамуш решила зайти к своим родственникам в гости – мы условились встретиться с ней на причале.

– Смотри не опоздай, – напомнила она с улыбкой, – а то застрянешь здесь, как некоторые, навсегда!

Что она имела в виду, я не знал, но испытывать судьбу точно не собирался.

Попавшаяся мне на пути смешливая деревенская красавица годков пятидесяти пяти показала на добротный бревенчатый дом, в котором и жил отставной генерал Нефедов.

В вылинявшей тельняшке, соломенной панаме, галифе и калошах на босу ногу, он возился во дворе с надувной резиновой лодкой. Старик собирался завтра на рыбалку, ставить на озере сети на сига, щуку и хариуса. Я рассказал ему все как есть, что журналист, что мне заказали написать о нем большой материал. Правда, про череп Гитлера спросить пока не решился. Кто его знает, как он на это реагирует?

Зашли в летнюю кухню. Нефедов предложил мне своей шестидесятиградусной самогонки на кедровых орешках. Мы выпили, крякнули, закусили черным хлебом, яйцами, салом и зеленым луком.

Потом Нефедов закурил свою махорку. «Самосад!» – похвастался он, и в течение нескольких долгих часов я вежливо слушал его рассказы о боевом пути, о наградах, о друзьях-товарищах, все не решаясь спросить о черепе Гитлера.

– ...Мы ждали его уже два с лишним часа, – рассказывал старик Нефедов, – а ведь горючего-то у него могло хватить всего минут на сорок, с запасным баком – еще минут на двадцать. Получается, час, правильно? И вот уже вечер, мы и ждать перестали, разошлись кто куда... И вдруг его самолет появляется на горизонте! Почти через шесть часов после вылета! Мотор, естественно, работает на холостых оборотах. Садится. Все подбегают к нему. «Что случилось, Валера, где был столько времени? Как долетел, где дозаправлялся?» Нигде, говорит, не дозаправлялся. Летел и все, просто очень сильно хотел долететь. Но ведь прошло шесть часов! Шесть! Это же невозможно без посадки! Так не бывает...

Не поверили, естественно. Я политруком части был, защищал его как мог... Чуть самого не разжаловали. Было следствие, допросы, решили, что его завербовали фашисты. Увезли в центр, трибунал и в конце концов расстреляли мужика. А я знаешь

Если бы Бог существовал, справедливый и всемогущий, он сейчас был бы здесь, на передовой и дожидался бы вместе с нами атаки. И вдруг – дверь в землянку – бац! – открывается, и входит к нам молодой такой, худощавый лейтенант в новенькой еще форме.

что вспоминаю? Мы с ним жили в одном блиндаже, и он всегда перед вылетом брился. А когда вернулся, у него отросли борода и усы, понимаешь? Не просто там щетина вылезла, а приличная такая борода. И вот я до сих пор мучаюсь, ведь зазря его тогда к стенке поставили, а? Читаю сейчас про всякие там аномальные зоны, а ведь точно Валерка попал тогда в иное измерение, где время медленнее течет... Ты как думаешь?

Я сказал, что, наверное, и вправду зря хлопнули героя. Старик Нефедов, похоже, здорово расстроился. Кряхтя, помассировал затекшую ногу и, видимо, найдя во мне благодарного слушателя, стал рассказывать свои байки дальше.

– Ты, наверное, еще и в Бога веришь? – спрашиваем мы, значит, этого мужичка, к нему кличка Баптист приклеилась. Весь он такой правильный, аккуратный, тихий, не матерится, в споре всегда уступает, всем помогает, приказы любые выполняет. А дело-то на Курской дуге было. Я тогда еще лейтенант молодой, при штабе. Лето, жара градусов тридцать пять, даже ночью не спадала. Ну вот, веришь в Бога-то? – спрашиваем. Нет, отвечает, раньше веровал, а сейчас уже нет. А что так? Если бы Бог существовал, справедливый и всемогущий, он сейчас был бы здесь, на передовой и дожидался бы вместе с нами атаки. И вдруг – дверь в землянку – бац! – открывается, и входит к нам молодой такой, худощавый лейте-

нант в новенькой еще форме и говорит: «Здорово, мужики, я ваш новый политрук, завтра утром поведу ваше подразделение в атаку».

Ну политрук и политрук. Не будешь же документы проверять? Зачем? Не было никакой надобности. И что ты думаешь? И повел, и мы поднялись, ведь как один поднялись за ним. А фрицы лупили, только мясо с кровью в разные стороны летело. Но мы ведь прорвались, выбили их тогда, погна-ли отовсюду! Да... А когда бой закончился, глядь, а нет с нами никакого политрука. Как так? Делаем запрос в штаб дивизии, нам отвечают, никого, мол, не посылали...

Тот знаменитый снимок, помнишь, в школьных учебниках он есть, политрук там, в пилотке, с пистолетом над головой? Повернулся к своим бойцам так, что лица почти не видно? В атаку, орет, сукины дети! Ну, этого политрука еще на десятирублевках в 2000 году, в честь 55-летия Победы отчеканили? Вспомнил? Это тот самый политрук и есть, я его сразу узнал. Не веришь? Я тоже не верил. А теперь думаю, одно из воплощений Бога, точно тебе говорю, парень!..

Так я просидел у генерала Нефедова довольно долго. За это время мой редактор позвонил дважды: «Череп Гитлера уже у тебя? Нет? Предложи старому пердуну денег, пусть продаст череп. Это заказ, понял? Важные, влиятельные люди. Коллекционеры из новых... Это их дело... Не облажайся в очередной раз, если хочешь остаться в газете...»

Незаметно, как это бывает в горах, наступил вечер, с озера потянуло холодком. Мы со стариком Нефедовым выпили на посшок, и я наконец решился. Начал что-то мямлить об историческом артефакте, необходимости сделать музейным экспонатом, показывать, так сказать, в воспитательных целях молодежи. Безбожно врал и чудовищно краснел.

– Череп Гитлера? – хмыкнул Нефедов. – Да, точно, прихватил его тогда в Берлине... – Мне показалось, он покраснел. – Гордость дурацкая, мол, вот он я, победитель... А только он мне одни несчастья принес. Сын погиб в аварии, жена долго и тяжело болела...

Он помолчал.

– Я вот в молодости ветеринаром хотел быть...

Я удивленно поднял брови.

– Да-да, серьезно, зверей лечить, а просидел в Министерстве обороны. Вроде как не своим делом занимался, чужую жизнь прожил... Я тебе его держать у себя не советую... Все кувырком пойдет...

Старик Нефедов проводил меня до калитки. Череп, желтую кость с небольшим пулевым отверстием-

ем, я, злясь и ненавидя себя, молча сунул в рюкзак. Попросил проходившего мимо мужичка сфотографировать нас вместе. На память. На добрую память.

Мы тепло попрощались, он обнял меня, похлопал по плечу. Я пошел вниз, не оглядываясь, потому что чувствовал, как что-то подступает к горлу...

Однако вот что я сделал дальше. Я свернул с дороги, ведущей к причалу. Время еще было, и я долго карабкался в гору, пока опять не зазвонил сотовый. «Ну что, ты взял череп? Он у тебя?!» – дрожал от нетерпения голос редактора. «Да пошел ты!..» – ответил я и выключил трубку.

Я забрался на самую вершину. Отдышался, не спеша покурил, потрясенно оглядывая окрестности. Вид на Телецкое открывался просто фантастический: капля вечности в бережных каменных ладонях Хана Алтая. По сути, мы все карабкаемся на одну и ту же гору, только с разных сторон, подумалось мне. И еще: жизнь бывает страшной сказкой со счастливым концом, а иногда, наоборот, счастливой сказкой со страшным финалом. Но и то и то имеет одинаковую ценность. Я посмотрел вниз – там, на самом дне пропасти, текла стремительная горная речка. Бывают такие встречи, которые навсегда меняют жизнь. Сегодня я кое-что понял и не хочу больше множить ложные ценности в глупое, фальшивое время...

Постояв еще с минуту, я размахнулся и швырнул в пропасть череп Гитлера, а вслед и свой мобильник.

В сумерках я спускался по горной тропинке – с неба на землю, к людям, туда, где в конце дороги был причал и уже заждалась меня молодая, перспективная и очень деловая коллега Айкамуш. Скорее всего, после моей командировки она и займет мое место в редакции. А я... Как знать, может, скоро на самом деле захочу застрять здесь навсегда, как отставной генерал, мой дорогой старик Нефедов?

